

Не так давно кубанский казачий атаман предложил поставить в Краснодаре памятник генералу Краснову, мол, яркий полководец, много раз воевал за Россию, поддерживал казачий дух, а то, что был белым генералом, сейчас и не страшно, может, это даже лучше, чем красным. Наверное, так бы и поставили. Только одного не учел нынешний казачий атаман, или, скорее всего, осознанно скрыл, что в годы Великой Отечественной войны генерал Петр Краснов, в отличие от генерала Деникина, радуящегося победам Красной Армии над фашистами, служил этим самым фашистам, и не где-то в обозе, а командовал эсэсовскими казачьими частями. Так что все-таки есть отличие белых генералов Врангеля, Колчака и Деникина от тех белых генералов, которые пошли служить Гитлеру. Вот и повесили генерала Краснова вместе с Власовым и другими предателями в Москве.

Но переоценка ценностей, тем не менее, продолжалась. Совсем недавно в Армении, достаточно зависимой и сейчас от России и экономически, и политически, поставили памятник якобы национальному герою Гарегину Нжде. Отличился он еще совсем молодым на Балканах, где воевал с турками, вырезая турецкие деревни, затем храбро сражался в рядах царской армии, после революции возвращается в родной Ереван и занимается в Зангезуре чистой азербайджанского населения. Заодно воюет и с красноармейцами.

В 1930-е годы Гарегин Нжде увлекается фашистской идеологией, перебирается в Германию, где работает под крылом начальника внешнеполитического управления НСДАП Альфреда Розенберга. Здесь он вместе с генералом Дро занимается формированием армянских военных отрядов для войны против СССР, а также входит в созданный фашистами "Армянский национальный совет". 809-й армянский пехотный батальон был переброшен на Украину и в Польшу, где участвовал в операциях против партизан. За заслуги личный состав батальона заслужил похвалу от командующего Вермахта на Украине Гитцингера и командующего восточными частями генерал-майора Ильгена. Особого внимания заслуживает деятельность зондеркоманды "Дромедар", получившей свое название в честь генерала Дро. В апреле 1943 года она занималась организацией разведывательно-диверсионных мероприятий в тылах войск Северо-Кавказского фронта.

В 1944 году, вовремя поняв, подобно Муссолини, Маннергейму и болгарским лидерам, что Германия войну проиграла, Нжде снова меняет свою кожу, начиная заигрывать с коммунистами, пишет письмо Сталину, в котором пытается оправдать себя и свои преступления. Он предает своего товарища по оружию генерала Дро, называя последнего предателем и преступником, тем не менее, фашиста арестовали и осудили на 25 лет. Будущий герой Армении

и стал Республиканской партией Саргсяна не дожидаясь до окончания срока, скончавшись во Владимирском центре 21 декабря 1955 года.

Зачем сегодня Армении надо возвеличивать нациста, скончавшегося в российской тюрьме?

Установление памятника Нжде в Ереване вызвало резкую реакцию в России. Россия ведет по всей Европе борьбу с неонацистскими тенденциями, а в столице ее кавказского союзника воздвигают памятник нацисту и головорезу. Для Москвы Нжде никакой не герой – он обычный военный преступник и фашист. Но никакой ноты протеста из российской столицы в Ереван не последовало.

Политолог Сергей Марков, обычно озвучивающий кремлевские позиции, заявил: “Открытие памятника Гарегину Нжде свидетельствует о наличии в армянском обществе неких мощных сил, которые ориентированы против России, ведь Россия является главным победителем германского нацизма. Подобный поступок Еревана выходит за все приемлемые форматы. Это должно потребовать решительной реакции России...”

“Сотрудничество с германским нацизмом и тем самым соучастие в его чудовищных преступлениях, в том числе в геноциде русского народа, одним из важнейших стремлений германского нацизма, должно зачеркивать любые заслуги”, – заявил Сергей Марков.

Интересно, почему он молчит по поводу мемориальной доски маршалу Маннергейму не в далёком Ереване, а в нашей северной столице – в Петербурге?

Вот это была уже самая настоящая сенсация мирового уровня, хотя она и замалчивается в нашей прессе. Местом для уже повторной попытки увековечивания памяти Карла Густава Маннергейма в Санкт-Петербурге выбрано здание на Захарьевской, 22. До 1948 года здесь располагалась Церковь святых и праведных Захария и Елизаветы (домовая церковь лейб-гвардии Кавалергардского полка), а после сноса храма был построен учебный корпус военного инженерно-строительного училища, сегодня это Военный инженерно-технический институт имени генерала Комаровского. Кавалергардом был и барон Маннергейм. Вот он и стал первым кавалергардом, увековеченным в каменной летописи Петербурга. Ни славный партизан Денис Давыдов, ни освободитель всех славян генерал Михаил Скобелев – тоже кавалергарды – такой чести не удостоены. Следующим, очевидно, согласно нынешней перевернутой логике, отстят памятной доской кавалергарда Жоржа Дантеса.

Не поверите, но предложение установить в Петербурге памятную мемориальную доску в честь барона Маннергейма поступило от Российского военно-исторического общества, больше в военной истории России весомых фигур для увековечения памяти не нашлось. Как указывается на главном сайте этого общества: “У страны должны быть герои, и люди должны их знать. Это должны быть ориентиры, на примерах которых сегодняшние поколения могли бы воспитываться и воспитывать своих детей. Это очень важно!..” Слова самого Владимира Путина. Вот и подобрали героя для примера.

На сайте “Фонтанка” я нашел высказывания самих питерцев о Маннергейме. Руководитель Военно-исторического клуба “Ленинград 900” Артем Кокин считает: “Нам рассказывают, что он был весь такой любитель Ленинграда, но все-таки блокада состоялась в том числе благодаря и ему. Все разговоры о том, что он отдал приказ не штурмовать Ленинград, являются исторической фальсификацией. Финнов остановила Красная армия. Я не могу иначе к этому относиться – у меня прадед погиб под Ораниенбаумом, прорывая блокаду Ленинграда”. Заведующий кафедрой истории Нового и Новейшего времени СПбГУ, доктор исторических наук Владимир Барышников также не уверен в необходимости героизации полководца. “Маннергейм если и был героем, то, конечно, не России, а иного государства, – считает он. – Все его заслуги, которые были связаны с нашим Отечеством, они существовали. Но таких генералов в русской армии было более чем достаточно, и преувеличивать значение одного из них не следует”.

И называть Маннергейма спасителем Ленинграда просто кощунственно. “Задача была Ленинград взять, – говорит Барышников. – Даже более того: в Финляндии была заготовлена правительственная речь по поводу взятия Ленинграда, и в ней ничего хорошего о нашем городе не говорилось. Давайте вспомним, что финские войска также оккупировали советскую часть Карелии. Практически все города были переименованы на финский лад. Что говорит

о том, что эти территории хотели сохранить за собой. Режим, установленный на территории Карелии, был расистским по своей сути. Русское население отделялось от финно-угорского, определялось в концлагеря, смертность в которых в процентном отношении была даже выше, чем в немецких. И эти жертвы ложатся тенью на маршала Маннергейма”.

Один из сотрудников военно-инженерного института, на стенах которого теперь закреплена мемориальная доска, считает: “На занятиях по военной истории курсантам рассказывают, что Маннергейм был союзником Гитлера, его войска держали Ленинград в блокаде. Желания принимать участие в ее открытии лично у меня никакого нет. Но если нам прикажут, придется стоять там – позориться. У меня дед воевал на Ленинградском фронте, если бы он сегодня был жив, мне было бы стыдно ему в глаза смотреть...”

Пробовали и протестовать против этого увековечения, но очень уж с больших высот прозвучало это требование. На открытие мемориальной доски приехали из Москвы министр культуры Мединский и глава администрации президента России Сергей Иванов. Куда уж выше.

Только непонятно, откуда возникло это дикое желание? Дело в том, что в самой Финляндии к этому увековечению отнеслись с определенным скепсисом, сами финны к маршалу относятся достаточно сложно, помню, когда я был последний раз в Тампере, видел его памятник, весь залитый ядовитой краской. Так что особой радости это питерское увековечение финнам не доставило. Тогда кому это понадобилось?

Может быть, нам в центре Москвы установить памятник великому французскому Наполеону, жаль, прозевали 2012 год, как раз бы к юбилею и установили бы?! А заодно и Чингиз-хану, дабы угодить восточным народам. И как-то в северной столице всё одно к одному подбирается. Только что отшумела полемика по поводу моста имени Ахмата Кадырова, моста, который народ уже метко прозвал “Ахматовским”, – думаю, и так останется в памяти всех. И вот уже, перейдя Кадыровский мост, мы подходим к памятной доске в честь маршала Маннергейма. Совсем, что ли, белены объелись?

Официальные СМИ сообщают: “Карл Маннергейм в Финляндии считается национальным героем. Тридцать лет его жизни при этом связаны с Россией: он служил при императорском дворе в Петербурге, участвовал в русско-японской войне, командовал частями российской армии в Первую мировую.

После прихода большевиков к власти Маннергейм уехал в Финляндию, где стал главнокомандующим. В 1941–1944 годах он возглавлял финские войска, воевавшие против СССР, но вопреки требованиям Германии не стал наносить удар по Ленинграду с севера...”

Вот и пусть в Финляндии он считается героем, это дело самих финнов. Но зачем же нагло врать, что Маннергейм не стал наносить удар по Ленинграду с севера?

“Тем вот, кто сейчас там кричит, я хочу напомнить от нас: не надо быть святее Папы Римского и не надо стараться быть большим патриотом и коммунистом, чем Иосиф Виссарионович Сталин, который лично защитил Маннергейма, обеспечил его избрание и сохранение за ним поста президента Финляндии и умел к поверженному, но достойному противнику, относиться с уважением”, – прокомментировал Мединский.

Сталину же в 1944 году надо было быстрее вывести из войны гитлеровских союзников, он и шел на переговоры и с Маннергеймом, и с болгарями, выигрывая время и защищая национальные интересы России. Так в свое время он и с Германией подписал договор о ненападении. Сталин, как бы ни уверял нас Мединский, не брал Маннергейма под свою защиту. Как очень прагматичный политик он понял: Маннергейм в Финляндии – фигура уважаемая и компромиссная, и если его взять и повесить, то у правых партий будет свой мученик. Все преступления были повешены на Ристо Рюти. Маннергейм же был исключен из списка военных преступников, но это не равносильно тому, чтобы вешать ему памятную доску.

На Карельском перешейке и в Карелии к этому времени финские войска были вынуждены отступить. Сначала Германия перебросила в Карелию часть войск из Эстонии, но впоследствии была вынуждена их забрать. Финляндия стала искать пути для выхода из войны. 4 августа 1944-го вместо ушедшего в отставку Рюти президентом страны стал маршал Маннергейм.

Узнав о протесте, высказанном немецким посланником против намерений Маннергейма выйти из войны, последний жёстко ответил:

“...Он в свое время убедил нас, что с немецкой помощью мы победим Россию. Этого не произошло. Теперь Россия сильна, а Финляндия очень слаба. Так пусть сам теперь расхлебывает заваренную кашу...” Вот и все мнимое благородство маршала, пригнул его Сталин, он и побежал на другую сторону, как всегда делают слабаки.

19 сентября 1944 года в Москве было подписано соглашение о мире между Финляндией и СССР.

А тем, кто фальшиво делает из Маннергейма пламенного русского патриота, я скажу: почитайте документы. Еще с 1918 года и до конца дней своих маршал делал все, чтобы переиграть русских. Сначала выиграл гражданскую войну в Финляндии, вырезав всех красных финнов, затем бросал десантные группы в Карелию, стараясь поднять там восстание.

Специально для защитников Маннергейма публикую обращение этого “русского генерала”. В 1918 году он писал:

“Воззвание ко всем рабочим Финляндии!

Большинство из вас — честные люди, которых принуждением заманили в ряды красной гвардии бандиты и смутьяны. Заканчивайте это, выйдите из безнадёжного сражения, которое приведет к гибели вас и ваши семьи.

Ложью завели вас на неверную дорогу, и вы это видите теперь, когда наши победоносные войска приближаются к вам по всех сторон. Вы еще можете спасти свою жизнь, если сдадите ваших руководителей и оружие. Достаточно пролито крови граждан из-за бунта красных русских свиней”...

Верховный главнокомандующий войсками Финляндии

Генерал Маннергейм...”

После победы белой армии в Финской гражданской войне весной 1918 года был приказ Маннергейма “Клятва меча”. Он сказал: “Я не вложу меч в ножны, пока народы Карелии не будут свободны от ига большевизма”. Он был обеими руками за экспансию Финляндии и присоединение к ней Республики Карелии. В 1919–1922 годах он никоим образом не противостоял военным экспедициям — вторжению в Карелию финских добровольческих отрядов. В 1941 году финская армия не остановилась у граници 1920 года, взяла Олонец, Медвежьегорск, форсировала Свирь, заняла Подпорожье. Начиная с 1918 года Маннергейм поддерживал отделение Карелии от России и в 1941 году это осуществил. И только в 1944 году, когда понял, что Советский Союз не будет повержен, от этого отказался.

Глава Администрации президента Сергей Иванов выразился так: “Как говорится, из песни слов не выкинешь. Никто не собирается обелять действия Маннергейма после 1918 года. Но до 1918 года он служил России, и если уж быть совсем откровенным, то он прожил и прослужил в России дольше, чем он служил и жил в Финляндии”.

В свою очередь, кремлевский пресс-секретарь Дмитрий Песков прокомментировал это так: “Действительно, до сих пор личность Маннергейма вызывает споры. Но однозначно совершенно можно сказать, что это личность незаурядная, это личность, имеющая отношение к нашей истории...”

Петербуржцы явно не одобряют решения властей. Они могут оскорбиться тем, что вопреки их воле, вполне ясно выраженной, им навязан мемориал личности, непосредственно участвовавшей в самом страшном событии в истории города — в блокаде, которая унесла почти миллион жизней их предков.

Вспоминаю своего учителя, наставника, давшего мне рекомендацию в Союз писателей, замечательного писателя Дмитрия Гусарова. Он один из зачинателей нашей военной прозы, его роман “За чертой милосердия” — это уже русская классика. Но воевал-то Дмитрий Гусаров в лесах Карелии, и воевал с теми самыми “неоднозначными” финнами, командовал которыми маршал Маннергейм. Если маршал такой хороший, то, может, он и на самом деле “освобождал всю Карелию и город Петрозаводск от этих грязных русских свиней”? То-то этот роман последние годы не переиздают. Не с теми врагами воевал Дмитрий Гусаров, надо было сдатьсь?

И вообще, как теперь в моей родной Карелии отмечать День победы, если ее оккупировали, а затем и освобождали именно от благородных финнов? Кстати, в том же Петрозаводске тоже давно уже иные чиновники носятся с идеей памятника Маннергейму, сейчас их еще эта мемориальная доска подхлестнет.

А вот воспоминания жителей Карелии о периоде оккупации:

— Мне тогда было шесть лет. Отец привез меня в комендатуру по требованию финнов. В кабинете сидели двое в белых халатах. Один держал мои руки

за спиной, а что делал другой, я не видел, только почувствовал жуткую боль. После этого на моем теле на всю жизнь осталось выжженное клеймо в виде буквы V, что значит “vanki”, то есть “заключенный, пленный”, — так вспоминает годы оккупации бывший житель поселка Ильинский Иван Молоствовкин.

— Мы с матерью были обязаны ходить на работы, назначенные финскими властями, пилили лес по два кубометра в день. Работали по двенадцать часов, едва ноги переставляли от голода — кроме 300 граммов муки, другой еды не было. Смешивали с мукой солому, опилки и пекли хлебцы. Первое лето ходили за грибами и ягодами, а потом, когда в лесах объявились партизаны, финны запретили и это. Нарушителей режима лишили и без того скудного пайка или сажали в кутузку, — рассказывает еще один свидетель событий военных лет, живший тогда в поселке Кузараанда, Владимир Мухин.

Подобные воспоминания до сих пор не дают покоя тысячам жителей Карелии, пережившим финскую оккупацию. Они бы и рады забыть, но события последних лет вновь разбредили старую душевную рану. Сначала карельские суды с подачи властей Карелии лишили сотни бывших узников статуса и льгот, мотивируя это тем, что жители оккупированных территорий не имеют права причислять себя к узникам. На судебных процессах стариков доводили до слез выступления чиновников, уверявших, что в оккупации было не так уж и плохо — кормили, платили за работу. Мол, за что вам давать льготы?!

Очередным ударом по чувствам стариков стала растиражированная в СМИ идея об установке в Петрозаводске памятника финскому генералу Густаву Карлу Маннергейму, возглавлявшему армию Финляндии во время войны и воевавшему на стороне гитлеровской Германии. С такой инициативой выступил председатель комиссии по внешним связям Петрозаводского городского совета Владислав Грин. Он предложил установить памятник Маннергейму в центре поселка Шуя и приурочить это событие к дню рождения финского генерала. Поражает, что с подобными идеями и в Петрозаводске, и в Москве, и в Петербурге выходят не финны, не карелы, Мединские и Грины — им-то что надо?

Теперь по поводу слов о том, что “никто не собирается обелять действия Маннергейма после 1918 года. Но до 1918 года он служил России, и если уж быть совсем откровенным, то он прожил и прослужил в России дольше, чем он служил и жил в Финляндии...”

Замечательно, тогда давайте, выскажемся и по поводу “смелого и храброго” советского генерала Андрея Власова, не будем обелять его действия в составе войск Вермахта, но до этого он служил Советскому Союзу, защищал Москву. Не пора ли в центре Москвы поставить памятник одному из ее спасителей? Если уж быть откровенным, то генерал Андрей Власов неплохо служил и неплохо воевал, и в Китае, и в других местах, дольше, чем он служил Гитлеру. Можно вспомнить и других, ту же бригаду Каминского, которая, между прочим, освободила от немцев Прагу, — уже позже туда вошли советские войска. Может, забыть о его службе у немцев и дать звание Героя России? У каждого из коллаборационистов и союзников Гитлера были и иные периоды. Но самое главное, вспомним и будем почитать прекрасного талантливого австрийского художника Адольфа Шикльгрубера, мы же не будем обелять его действия в сороковые годы, но в двадцатые и даже в тридцатые в его жизни было много достойного. Не пора ли в Австрии поставить ему памятники? Можно и в России, он высоко ценил русскую живопись и литературу.

После этого скандального на весь мир жеста с памятной доской русскому генералу Маннергейму даже неудобно что-то возражать нашим братьям украинцам, возвеличивающим своих национальных героев Степана Бандеру и Романа Шухевича, они, как и Маннергейм в Финляндии, всю жизнь сражались за ридну неньку Украину.

Слава героям! Героям слава!

Больше всего меня поразил почетный караул при увековечении памяти Маннергейма. Завтра этот караул будет увековечивать генерала Власова, Розенберга, всех, кого прикажут. А где воинская честь?

Пишет в интернете один старый петербуржец: “У меня родня от голода погибла в блокаду Ленинграда. Маннергейм — фигура не спорная для тех, кто погиб от голода и бомб. Он руководил блокадой на Финском направлении, жал руку Гитлеру, подарки ему отправлял, точка. У него есть заслуги перед Финляндией, финской государственностью — там ему памятники стоят, помнят его там и чтут. В России он получил знания и военный опыт, который использовал

войне против Советского Союза (России). В городе-герое Ленинграде (Петер-бурге) подобное кощунство над памятью, смертями соотечественников вызы-вает гнев. Товарищам Мединскому, Чурову (он фанат Карла Густавовича), Иванову и прочим надо заниматься своей работой, а не чёрт знает чем. Луч-шие сидели бы дальше и ничего не делали, чем устраивать подобное. Надеюсь, как горожанин, это “сокровище” исчезнет. Как можно скорее...”

Кстати, это не только я подметил. Читаю в интернете: “...Еще одно по-следствие героизации Маннергейма – это утрата Россией морального права делать замечания “украинским партнерам” за героизацию Бандеры, Шухеви-ча и Коновальца. Ну, фашисты. Ну, пособники Гитлера. Ну, проводили наци-стский геноцид. И что с того? Что вы теперь, русские, можете сказать в свое оправдание? Не в наше, а в своё?”

Возразить нечего.

Обелителям финского маршала приведу один из документов из семитом-ника о Нюрнберском процессе: “Показания полковника гитлеровской армии Хорста Кичмана, бывшего военного атташе в Финляндии, от 27 декабря 1945 г. // Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными пре-ступниками: Сб. материалов в 7 т. / Под общ. ред. Р. А. Руденко. М, 1958. Т. II. С. 660–662:

“Когда в ноябре месяце 1941 года я посетил генерала Тальвелла в его штаб-квартире в районе города Аунос, он в беседе рассказал мне, что по лич-ному поручению маршала Маннергейма он еще в сентябре 1940 года одним из первых установил связь с германским верховным командованием в деле сов-местной подготовки нападения Германии и Финляндии на Советский Союз. Как сообщил мне далее фон Альбедилл, в феврале или марте 1941 года в ставке Гитлера происходили дальнейшие переговоры о планах подготовки нападения и ведения войны против Советского Союза. В этих переговорах участвовали начальник Генерального штаба вооруженных сил Финляндии генерал-лейте-нант Гайнрихс и представитель того же штаба генерал-лейтенант Эквист. Та-ким образом, в результате переговоров, начатых с сентября 1940 года между правительствами Германии и Финляндии, а также их верховным командовани-ем, было достигнуто полное согласие о совместной практической подготовке к войне против Советского Союза, что, как известно, в июне 1941 года было осуществлено путем вторжения германских и финских войск на территорию СССР. В октябре 1941 года второй помощник германского военного атташе в Финляндии майор Шлютер в беседе сообщил мне, что командир 163-й пехот-ной дивизии генерал-лейтенант Энгельбрехт в начале июня 1941 года, еще до начала военных действий на Восточном фронте, прибыл из Норвегии в Фин-ляндию для подготовки к операциям против русских войск и захвата полуост-рова Ханко. За несколько дней до начала войны войска дивизии Энгельбрехта уже были переброшены через Швецию в район полуострова Ханко. В конце 1942 года, на приеме у германского посла в Финляндии фон Блюхера, я встре-тился с начальником германской военной миссии в Финляндии генералом от инфантерии Эрфурт. В присутствии Блюхера Эрфурт рассказал мне о том, что еще за 14 дней до начала военных действий против Советского Союза он по приказанию германского генерального штаба прибыл в Хельсинки в граждан-ской одежде для связи со ставкой Маннергейма. Финский генерал-лейтенант Эквист в то же время с такими же целями был командирован в Берлин в каче-стве начальника финской военной миссии при ставке Гитлера. Говоря о мис-сии немецкого генерала Эрфурт в Финляндии, фон Абельдилл рассказал мне, что на совещаниях между представителями германского и финского командо-вания в первой половине июня 1941 года по вопросу подготовки нападения на Советский Союз, кроме генерала Эрфурта, принимали участие генерал-пол-ковник фон Фалькенхорст, позднее командующий немецкой лапландской ар-мией в Финляндии, и его начальник штаба генерал-майор Бушенхаген. Перед отъездом в Финляндию я познакомился в Берлине с отчетными материалами германского военного атташе в Финляндии Россинг, из которых установил, что он не только являлся участником и организатором тайных переговоров, но был в курсе всех практических планов и мероприятий по подготовке нападения на Советский Союз, так же, как и германский военный атташе в Финляндии, со-действовал своим участием в осуществлении их.”

На мой взгляд, увековечение маршала Маннергейма, как белого генера-ла, связано с общей попыткой нынешнего режима однозначно встать на сторо-ну белых сил. Недаром фанатик белого движения Владимир Чуров так стара-ется. Установка мемориальной доски Карлу Маннергейму – явление знаковое.